

ИСТОРИЧЕСКАЯ АВАНТЮРА

ДМИТРИЙ ДАШКО

ПРОЩАЙ, ГВАРДИЯ!

Живи достойно, умри с честью

«КРЫЛОВ»

Гвардеец

Дмитрий Дашко

Прощай, гвардия!

«Крылов»

2012

Дашко Д. Н.

Прощай, гвардия! / Д. Н. Дашко — «Крылов»,
2012 — (Гвардеец)

ISBN 978-5-4226-0228-5

На дворе лето 1735 года. «Бироновщина» – страшное время для страны. Люди исчезают по ночам, дыба и раскаленные клещи палача в Тайной канцелярии не знают отдыха. Смутный период накануне русско-турецкой войны, когда ловкий и предприимчивый человек со шпагой и пистолетом может круто изменить свою судьбу – и судьбы страны. Наш современник Игорь Гусаров оказывается в теле курляндского барона Дитриха фон Гофена, который решил попытать счастья в «варварской и дикой Московии». Игорь готов рискнуть головой и пройти любые испытания, чтобы предотвратить дворцовый переворот «дщери Петровой» – беспутной Елизаветы. Здесь и сейчас, на топких берегах молодой имперской столицы, в свете чадающих светильников, в бальных залах дворцов и в душных кабаках, куется новое будущее России, новое будущее всего мира. Если ты настоящий гвардеец – возьми судьбу за горло и поверни маховик истории!

ISBN 978-5-4226-0228-5

© Дашко Д. Н., 2012

© Крылов, 2012

Содержание

Вместо пролога	5
Пролог	7
Глава 1	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Дмитрий Дашко

Прощай, гвардия!

Автор по-прежнему благодарен форуму «В вихре времен» <http://mahrov.4bb.ru> и «Военно-Историческому форуму» www.reenactor.ru, а также коллегам с <http://www.fantasts.ru>

И персонально Евгению Шалашову, Александру Владимирову (Смирнову), Алексею Харину.

Вместо пролога

Память – сволочная штука. Она не дает забыть то, что мы видим в страшных снах, и подводит в самый неподходящий момент. Однако без нее нельзя.

В летописи моей жизни не так уж и много страниц, которые я хотел бы вычеркнуть, однако они есть. Я не ангел и потому совершал поступки, которыми никогда не смогу гордиться. Но все, что было мной сделано плохого, я же и искупил – потом и кровью, своей и врагов.

Порой меня тянет на философию. Сейчас я могу себе это позволить.

Оглядываясь на дорогих моему сердцу людей – отца, мать, дедушек и бабушек, – я невольно прихожу к выводу, что мое поколение – всего-навсего бледное подобие тех, кто победил в страшной войне, сломал хребет фашистской гадине, поднял страну из разрухи, построил могущественную державу, которую и боялись, и любили.

Да, не все у них было гладко и просто, им многое пришлось пережить, но это был народ-победитель, народ-строитель.

А что сделали мы? Кого победили, что сумели построить?

Ответ – перед глазами. Глаза можно закрыть, можно притвориться, что ничего не видишь. Но реальность кусается, и кусается больно. Ее не проведешь.

Мы – лузеры, соорудившие из обломков великого государства страну-мутанта. Прожигатели добра, накопленного до нас. Беспутные наследники. Те, у кого не осталось ничего святого.

Мы делаем вид, что все идет по плану, что все так и должно быть; почиваем на лаврах, не забывая пинать поверженного льва.

Наша история извращена, в ней роется носами продажная сволочь, отрабатывающая заграничное содержание. Иногда, важно похрюкивая, она извергает из себя переваренные помои. Предполагается, что это – истина в последней инстанции. Мы утираемся и терпим.

Терпим!

Нам врут с экранов телевизоров, с газетных и журнальных страниц. Обещают одно, делают другое. Главные коррупционеры борются со взятками; развалившие энергетику устраивают нанопрорыв, «осваивая» миллиарды государственных средств. И никто им не указ, даже прокурор. Высочайше велено: «Не трогать». Дербань – не хочу.

Терпим!

Горят леса, потому что нет лесников. Последних профессионалов пинками выгнали из леса, сократили. Кто теперь будет следить за лесными богатствами? Есть ли смысл колотить в рынду, если ближайшая пожарная машина одна на десять деревень, да и той по штату положен один преклонного возраста «огнеборец»?

Терпим!

Самой народной эмблемой сочинской олимпиады становится пила: на лыжах, коньках, с клюшкой. Кому не ясно, что она пилит?

Народ молчит, народ-терпила безмолвствует.

Мы меняем наши богатства на разноцветные фантики. На эти фантики олигархи, чиновники и генералы катаются на лыжах в Куршевеле, возя с собой табуны дорогих шлюх.

Ах да, Куршевель нынче не вполне комильфо. Так, чай, не единственный из пафосных курортов.

Нам нечем гордиться, нас не за что уважать.

Кто стал нашим ориентиром, на кого мы хотим походить, кем собираемся стать?

Космонавтами, врачами, военными, учеными, геологами, инженерами?

Нет, эти профессии давно потеряли престиж. Произошло страшное: умами завладели ловкие дельцы-бизнесмены, спекулянты, ворюги-чиновники и прочая беспринципная мразь.

Они сделали нас нищими, моральными уродами, уселись на наших плечах, присосались к нашим артериям и пьют нашу кровь. И будут пить, пока мы это не изменим.

Или не изменю я, парень из двадцать первого века, которого странные игры неведомой цивилизации забросили в далекое осмнадцатое столетие.

Только, надеясь на меня, сами не оплошайте.

Пролог

«Шведского майора Синклера, укрывающегося под именем Гагберх, разыскать; имеющуюся при нем тайную переписку королевского двора Швеции с турецким султаном изъять и доставить в Петербург; самого майора умертвить так, чтобы даже духу его не осталось. Лучше всего утопить, как кутенка...»¹

Поручик драгунского полка Левицкий вызубрил инструкцию фельдмаршала Миниха лучше «Отче наш». Знал, но никогда не произносил заученные строки вслух. Есть вещи, не предназначенные для людских ушей.

Была и вторая инструкция, не менее важная и секретная. Ее Левицкий получил от другого человека, которого уважал и... страшно боялся. Она тяготила офицера куда сильнее, чем убийство какого-то шведа, по сути шпиона вражеской державы.

Из-за нее драгун не мог спокойно спать, прикладывался к бутылке чаще обычного, чего товарищи его – капитан фон Кутлер и поручик Веселовский – не одобряли. Однако вынуждены были терпеть, ибо драгунский офицер, несмотря на малый чин, считался среди них старшим.

Внутренний карман походного камзола оттягивал портрет-медальон с изображением шведского майора, которому доверили перевозить секретную переписку между Блистательной Портой и Стокгольмом. Вешать картину на грудь, рядом с нательным крестиком, Левицкий постеснялся. И без того грехов на душе накопилось – вовек не отмоешься.

Работы сия парсуна была искусной. Глядя на нее, Левицкий все крепче убеждался, что не иначе как продал свою душу художник нечистому, ибо рисовать с такой особенной тщательностью простому смертному не дано. И холст был непростой. На удивление гладкий, приятный на ощупь.

Миниатюру эту Левицкому вручил тот страшный человек, который дал ему и вторую инструкцию. Если бы не медальон, искать шведа в огромной Польше было все равно что иголку в стоге сена. Кроме паспорта на выдуманную фамилию Гагберх, у майора наверняка имелись и другие документы.

Проклятуший Синклер метался из одного конца в другой, трое русских офицеров, как ищейки, пытались встать на его след. Иной раз казалось: вот-вот они настигнут злополучного шведа, а не тут-то было. Синклер исчезал, будто снег весной, просачивался ручейком сквозь кордоны. Манил близким присутствием и пропадал. Был, да весь вышел; растаял, как привидение на рассвете.

Левицкий отчаянно ругался, искал рукой походную фляжку с хлебным вином и, обнаружив ее пустой, ярился пуще прежнего.

Однажды им повезло. Место безлюдное, одинокая карета, нет свидетелей, вообще никого, кроме лже-Гагберха, его слуг да случайного попутчика. Ни о чем не подозревавший Синклер сопротивления не оказал, разве что фон Кутлеру понадобилось разок приложить его рукояткой шпаги, чтобы швед перестал кочевряжиться и показал тайник.

Левицкий, убедившись, что их не надули и бумаги те самые, за которыми пришлось гоняться уйму времени, рубанул палашом, отделяя голову незадачливого курьера от туловища. Брезгливо вытер лезвие и вложил оружие в ножны. Конфиденты тем временем добивали слуг, невзирая на их мольбы о пощаде. Свидетелей быть не должно. Пострадал и попутчик – французиска, купец Кутурье. Его оставлять в живых было всего опасней.

– Убить, – велел Левицкий.

---

¹ Что греха таить... Было убийство майора Синклера в реальной истории, и от этого никуда не деться. С другой стороны, после проведения этой акции русское правительство получило жизненно важную информацию о планах неприятеля. Спасибо фельдмаршалу Миниху, для которого интересы России оказались важнее моральных принципов.

Скоро с кучкой шведов и французом было покончено.

Жаль, ни реки, ни озера, а то бы веревку с камнем на шею – и бултых на дно вместе с уликами. Не найдет никто, не разыщет.

Трупы спрятали в густых кустах, от чужих глаз подальше. Если и наткнется кто по случаю, спишет на разбойников, благо тех на дорогах разоренной войной и вспышкой чумы Речи Посполитой всегда вдосталь.

– Теперь можно и в Петербург, за наградой, – довольно улыбаясь в усы, произнес фон Кутлер.

Он уже видел себя майором, а то и полковником. Миних обещал наградить по-царски, слово фельдмаршал всегда держал.

Поручик Веселовский тоже мечтал о повышении, но по-своему. Его манила блестящая служба в гвардии; в канцелярии давно лежало письмо с просьбой о переводе в Семеновский полк на любую подходящую вакансию. Ходу прошению пока не давали, однако после выполнения столь щекотливого поручения все должно было перемениться исключительно в лучшую сторону.

Левицкий бережно опустил секретные бумаги в кожаную сумку. Первая инструкция выполнена... почти. Но ведь есть и вторая. Самая противная и тяжелая. Сколько из-за нее было водки выпито, не счесть.

Господи, что же я творю?!

Откуда ни возьмись, в руках драгуна появились заряженные пистолеты, припасенные как раз для этого случая. Стрелком он был метким, впустую тратить пули не стал. Два выстрела, два бездыханных тела недавних конфиденентов.

Упокой их души, Боженька!

Простите меня...

Он похоронил бывших товарищей неподалеку от шведов. Даже постоял минутку в скорбном молчании, держа под мышкой запыленную треуголку. Развевался плащ на ветру, дымилась пистолеты. Запах пороха щекотал ноздри.

Левицкий взгромоздился на сытого коня, приготовился дать ему шпоры и тут вспомнил. Медальон. Был четкий приказ его уничтожить.

Жаль красивую вещицу.

Исполнительный Левицкий положил парсуну на камень и раскрошил каблуком. Порядок. А теперь пришло время тайное сделать явным. Европа должна узнать о коварном злодеянии русских. Пусть об этом напишут все газеты.

Ему было противно от содеянного, но иногда ради благой цели приходится вершить черные дела.

Женщина, которую он боготворил, должна взойти на престол. Став императрицей, она никогда не забудет того, кто ей в этом помог.

Храни ее Бог!

Страшный дом на окраине Питера, холодный, нетопленный. Здание не первый год заброшено, как и несколько соседних. Смотрит на мир черными провалами окон без рам, поскрипывает гнилыми досками. Ветер гуляет по пустым комнатам, по-хозяйски распоряжается дверьми: открывает и закрывает, когда захочет и перед кем захочет. И никого над ним нет, никакой другой силы.

Владельцы давно уже забыли о доме, перестали горевать о выброшенных на ветер деньгах. Строиться в столице – занятие не из дешевых, не всякий потянет. Да и что в ней хорошего, в этой Северной Пальмире? Не парадиз, точно. Вот уж учудил Петр Ляксеич, царствие ему небесное. Сыскал место!

Кругом болота, беспокойная Нева норовит выплеснуться из берегов, сыро, промозгло. Что ни день, то дождь. А не дождь, так снег.

Мороз, и тот неправильный. В иных краях на такой рукой махнешь да спокойно делами займешься. Зато в Петербурге чуть ударит, всего ничего затрещит, и вот уже нет спасения душе христианской. Только и радости, что у костра, гвардейцами на улице разведенного, отогреться. И – дворами-дворами, избегая открытых, холодящих до костей проспектов.

Сытая, не в пример спокойная Москва тиха и благообразна. Сияет маковками церквей, зовет малиновым звоном колоколов. И народ в белокаменной живет чинно, по старинке, как дедами да прадедами завещано. Но не там нонче бьется сердце России.

Из Петербурга бежит свежая кровь дорогами-артериями к другим городам да весям. Скачут эстафетой курьеры, везя царские указы; с барабанным боем выходят на площадь глашатаи. Слушай честной народ, рты открывай, удивляйся.

Из северной столицы приходит все новое, а раз новое – то страшное и непонятное.

Скрипя полозьями по нерасчищенным сугробам, возок остановился у дома. Вскрапнули лошади, стали ушами прядать. Почуяли кого-то. И верно: мимо прокатили санки с краснощекими пьяненькими солдатами, горланившими свое. Этим все нипочем. Гуляют по случаю турецкой виктории да возвращения из крымских степей. Надрывают луженые глотки.

Мундиры на солдатах новехонькие: зимние шапки-треухи, долгополые зеленые шинели. В столице все это примелькалось, а вот народ приезжий смотрит с удивлением. Непривычно оно как-то.

Из возка выбрались двое в лисьих шубах, меховые шапки надвинуты глубоко, только и видно, что глаза. У одного, ростом и видом неприметного, злые и напряженные, у второго – скорее растерянные.

– Зачем вы привезли меня в эту глухомань? – спрашивает второй.

Каркают с деревьев вороны, самые непугливые слетают с веток, начинают бродить неподалеку. Прыгают бесстыжие воробы, ищут теплые лошадиные «яблоки».

– Скоро увидите, Семен Андреевич, – многообещающе отвечает невидный собой мужчина.

Внутри дома едва ли теплее, чем снаружи, потому никто и не думает заходить.

Семен Андреевич зябко ежится. Шуба не спасает, мерзнут руки в соболиной муфте.

– У меня мало времени, – говорит он, озираясь.

– Напрасно вы его не потратите, – уверяет неприметный.

К возку подкатил еще один, точь-в-точь такой же. Встал напротив. Рванул дверцу, напуская холода в теплое нутро, неприметный. Открыл и встал сбоку.

Женщина – высокая, смуглая, – не дожидаясь, когда подадут руку, попыталась выбраться наружу, но неприметный ожег ее таким взглядом, что смуглянка тут же плюхнулась обратно.

– Взгляните.

– Зачем? Вы везли меня через весь город ради этого? Конспиратор... Это даже не смешно! – замерзший Семен Андреевич не на шутку обозлился.

– Я вас прошу: взгляните, – настойчиво повторил неприметный.

– Хорошо! Как же мне надоели ваши выкрутасы, любезнейший!

Семен Андреевич без интереса уставился на женское личико. Определенно, красавицей сия Венера не была, но вид имела чрезвычайно знакомый.

Где-то ему уже приходилось ее видеть... Вспомнить бы еще, где именно.

– Неужто?! – вдруг ахнул он и испуганно закрыл рукой рот, чтобы случайное слово не вырвалось, не пошло гулять по улице.

– Трогай, – приказал неприметный кучеру.

Возок с женщиной умчался прочь, будто его ветром сдуло. Только колючий снег по сторонам.

– Это действительно та, о ком я думаю? Во всяком случае, очень похожа, – уже спокойным тоном спросил Семен Андреевич и удостоился кивка. – Но зачем вам... она?

– Фильм «Человек в железной маске» смотрели? Не тот, в котором играл этот болван Ленка Смирнов, простите, Леонардо ди Каприо², а другой, совместный англо-французский. Он еще в советском прокате шел во времена моей молодости.

Семен Андреевич кивнул. По долгу службы ему приходилось смотреть многое, в том числе и старое (как это ни странно звучит применительно к нынешним обстоятельствам) кино.

Неприметный удовлетворенно продолжил:

– Вот я и подумал, почему бы и мне не разыграть эту историю, только на новый лад.

– Простите, а как же наши планы, договоренности? – расстроено забормотал собеседник.

– Появление этого фон Гофена смешало все наши карты, уважаемый. Вариант с карманым переворотом, устроенным дражайшей Лисавет Петровной, уже не прокатит. Теперь будет недостаточно роты пьяных гренадер. Нужно действовать решительней и тоньше.

– Тоньше?! – почти вскричал Семен Андреевич. – После того, что вы на днях устроили, о какой тонкости может идти речь? Вы, можно сказать, весь Петербург на уши поставили. Да что там Петербург?! Европа бурлит как котел.

Собеседник довольно ухмыльнулся:

– Этого я и добивался. Иногда, чтобы проверить задуманное, приходится хорошенько взбаламутить стоячее болото.

Семен Андреевич покачал головой:

– Я не в восторге от вашей инициативы и доложу обо всем, как только вернусь. Уверен, ТАМ, – многозначительно подчеркнул говоривший, – меня поддержат. Мы не договаривались, что вы будете устраивать всякие фокусы и закидоны.

Оппонента это ни капельки не смутило. Он лишь невозмутимо пожал плечами:

– Поступайте, как вам угодно. Я лишь пытаюсь исправить ситуацию.

– Скажите спасибо фон Гофену. Это из-за него нам приходится кардинально менять планы. И, кстати, – глаза говорившего превратились в щелочки, – не бойтесь, что он тоже вычислит вас, как вы вычислили его?

– Фон Гофен залечивает раны в сотнях верст отсюда. Жаль, не получилось убить его во время той заварушки с татарами. Война бы все списала, и эта проблема решилась бы навсегда.

Семен Андреевич отчего-то улыбнулся. Ему вдруг с жуткой силой захотелось натянуть нос чванливому собеседнику, сбить с него самодо вольство.

– К сожалению, ваши сведения устарели. Фон Гофен поправился и держит путь сюда. Скоро он прибудет в Петербург.

Неприметный сжал пальцы в кулак до хруста, налил глаза кровью, стал страшен. И сказал с железной прямоотой и уверенностью:

– Пусть приезжает. Я до него везде доберусь.

Из огромных окон виднелись костры, возле которых грелись гвардейцы-семеновцы, заступившие на охрану подступов ко дворцу. Неподалеку со свистом гарцевала казачья полусотня императорского эскорта. Всадники мерзли, но упрямо продолжали отрабатывать экзерциции.

В богато убранной гостиной, залитой светом и жарко натопленной, собрались самые главные лица государства Российского. Не было разве что вице-канцлера Остермана, по обычаю

---

² Как известно, Голливуд создавался выходцами из России. Нет ничего удивительного в том, что многие нынешние звезды имеют российские корни.

своему сказавшегося больным, хотя никто из присутствовавших не сомневался: все, что будет произнесено под сводами дворца, обязательно дойдет до ушей влиятельного вельможи.

Анна Иоанновна, откинувшись на спинку стула с изогнутыми резными ножками и мягким сиденьем из голубого бархата, грозно спросила:

– Ужель это и есть твое окончательное решение?

Позади императрицы стоял в напудренном парике и роскошном камзоле фаворит Бирон. Его красивое, чуть тронутое оспой лицо было бесстрастным, как у хорошего дипломата. Правую руку с перстнем, украшенным бриллиантом, он положил на плечо российской царицы, не то успокаивая, не то чтобы подать тайный знак в нужный момент. К слову фаворита самодержица российская всегда прислушивалась, однако поступала по своему разумению.

– Да, ваше величество, – спокойно ответил виновник сего собрания.

«Маленький» принц Антон Ульрих Брауншвейгский вернулся из похода возмужавшим. Его было не узнать. Куда делись робость движений, опущенный взгляд, еле слышный голос? Исчезло даже легкое заикание, служившее раньше предметом всеобщих насмешек.

Перед собравшимися стоял боевой офицер в парадном кирасирском мундире. Рука его покоилась на позолоченном эфесе палаша. Подбородок горделиво приподнят. Это была не бестактность не знающего правил и приличий хама, а уверенность человека, который привык находиться среди сильных мира сего, и более того – сам принадлежал к этому узкому кругу.

Чуть удлиненное благородное лицо, погрубевшая от порохового дыма и походов кожа, коротко стриженные светлые волосы, безупречная выправка, идеально прямая спина, широкие плечи, сверкающая кираса. Он был прекрасен в этот момент, настоящий рыцарь без страха и упрека.

Молод, великолепно сложен, полон решимости и мужества.

Собравшиеся сознавали это, а более всех – цесаревна Анна Леопольдовна. Она покусывала нежные тонкие губы, ловя себя на мысли, что куда-то исчезает прежняя неприязнь и вместо нее появляется другое чувство. Красавчик граф Линар³, который покорило ее сердце и был за то спроважен из России, вдруг потерял былую привлекательность, отступив на второй план. Как далеко было тому распудренному светскому хлыщу до блестящего офицера, по праву носившего регалии и ордена.

– Вы действительно решили оставить службу в российской армии и вернуться в Брауншвейг? – нахмурившись, спросила императрица.

– Ваше величество, я вынужден просить абшида. Когда меня пригласили в Россию, я и помыслить не мог, что являюсь частью матримониального плана российского и венского дворов. Мне думалось, что я вызван, дабы верой и правдой служить вашему величеству на воинском поприще. Теперь, когда мне стали известны истинные причины, боюсь, что я недостойн сей высочайшей чести. И тем паче, как истинный мужчина и кавалер, я не хочу приносить муки той, что не испытывает ко мне настоящего чувства. Прикажите мне умереть на поле битвы, ваше величество, и я с радостью умру с вашим именем на устах. Но стать ненавистным существом в глазах вашей несравненной племянницы выше моих сил. Покорнейше прошу простить меня и разрешить отставку.

Принц встал на одно колено и коснулся губами платья императрицы.

– Дурак, – тихо, но так, чтобы это слышали все, сказала Анна Иоанновна.

Она поднялась и быстрой походкой направилась к выходу. Внезапно императрица покачнулась, стала оседать, и если бы не ловкость караульного солдата, быть беде. Тут же подскочил Бирон, подхватил обессиленное тело императрицы и на всю залу закричал:

---

³ Любовная связь между юной принцессой и саксонским посланцем Линаром была притчей во языцех. Анна Иоанновна быстро выпроводила этого ловеласа за пределы страны. Однако старая привязанность оказалась сильной. Анна Леопольдовна, встав у государственного штурвала, сразу вызвала Линара в Россию.

– Лекаря государыне! Скорее!

С другого конца дворцовых покоев уже бежал встревоженный придворный врач Бидлоо.⁴

Приступы у императрицы повторялись все чаще. Лекарь прекрасно понимал, что это значит. Жить императрице оставалось совсем немного. Его врачебное искусство лишь оттягивало неизбежное.

Анну Иоанновну уложили на кровать. Бидлоо выгнал посторонних. При императрице остались лишь он, его помощник и фаворит. Остальные придворные топтались возле закрытых дверей опочивальни.

Внизу уже гремел шпорами стремительный Миних, примчавшийся в ту же секунду, как узнал о случившемся. Дурные вести разносятся быстро.

Бледная Анна Леопольдовна оказалась возле принца. Он дружески взял ее под локоть.

– Ах, оставьте! – обиженно произнесла она. – Вы ведь отказались от меня. К чему теперь все ваши галантности?

– Разве не этого вы хотели? – удивился принц. – Разве не жаждали всей душой избавиться от меня – постылого, ненавистного, навязанного вам жениха?

Анна Леопольдовна отвернулась, не зная, что сказать. Принц был прав, но лишь отчасти. Еще час назад она так и думала, а сейчас... Все поменялось. Это не было любовью с первого взгляда, ибо знали они друг друга уже несколько лет. Но таким принца она еще не видела. Дифирамбы, которые Антону Ульриху пели газеты, раньше казались ей обычной лестью. Рассказы тех, кто воевал вместе с кирасирским полковником на турецкой войне, лишь немного пошатнули прежнее мнение.

Теперь же она понимала, что все написанное и услышанное было правдой. Мальчик стал мужем, мужчиной.

Болезненный приступ с тетушкой лишь обострил чувства Анны Леопольдовны. Она вдруг ощутила себя слабой. Прежний уютный мирок трещал по швам. В такое мгновение любая женщина мечтает о твердой и сильной руке.

– Вы, – цесаревна запнулась, – стали другим. Я не узнаю вас. Моя лучшая подруга Юлиана... Вы разбили ей сердце. Она забыла нашу дружбу, бредит только вами. Мы уже несколько дней в ссоре. Я велела ей не показываться у меня, пока ее страсть не утихнет.

– Можете поверить моему слову – я не прикладывал к этому усилий и, уж тем более, не хотел, чтобы вы лишились лучшей подруги. Никаких поводов я не подавал. Вашей фрейлине стоит обратить внимание на другую креатуру. В России много красивых, образованных и богатых молодых людей. Они составят госпоже фон Трейден подходящую партию.

– А мне? Что вы посоветуете мне? – грустно спросила цесаревна.

Без тетушки-императрицы и единственной подруги она чувствовала себя уязвимой.

Антон Ульрих пожал плечами:

– Я не вправе советовать вам, ваше высочество. Надеюсь, императрица подпишет мое прошение об абшиде.

Анна Леопольдовна притихла, набираясь духу, и наконец произнесла:

– А если я попрошу вас изменить решение, прислушаетесь ли вы к моей просьбе?

Принц деликатно улыбнулся.

Все же этот фон Гофен оказался прав. Если изменить себя, изменится и остальное. Жаль, их встреча случилась поздно. Иметь такого советчика – настоящее благо.

– Только при одном условии, принцесса. Если вы выйдете за меня замуж по любви, – уверенно сказал Антон Ульрих.

---

⁴ Лейб-медик императрицы.

Король Швеции Фредрик I был не в духе. Его любовница Хедвига Таубе во всеуслышание объявила, что не пустит короля в свою постель, пока тот не перестанет быть презренным «ночным колпаком»⁵ и не отомстит москвитам за коварное убийство майора Синклера.

Фредрик мог бы найти себе утешение в объятиях других женщин, но, проклятье, все достойные королевского внимания придворные дамы, как одна, оказались приверженцами партии «шляп», а опуститься до связи с простолюдинками король не мог, опасаясь народных волнений. И без того чернь негодует и отпускает острые шуточки в адрес короля, который так и не сподобился выучить язык своих подданных.

Оставались еще два любимых развлечения: охота и попойка, но заявившийся с утра пораньше бывший президент Канцелярии барон Арвид Горн околачивался в приемной, настаивая на скорой встрече.

Пришлось принять.

Пусть министр находился в отставке, однако влияние его в риксроде⁶, а значит, и в политике осталось. С таким человеком приходилось считаться даже королю, тем более шведскому, который, по примеру британских монархов, лишь царствовал, но не правил.

Выглядел опальный вельможа не лучшим образом. Привыкшему к бурлящим политическим страстям, Горну было тяжело оказаться вдали от рулевого весла королевства и окунуться в тихий патриархальный мирок поместья, где важнейшими проблемами были рождение очередного теленка у пестрой коровы Магды да починка прохудившейся крыши сарая.

Барон похудел, осунулся. Его длинный нос выглядел столь уныло, что король едва не расхохотался.

– Только не говори, что соскучился по мне, старина Арвид! – с большим трудом подавляя усмешку, поприветствовал король.

– Прошу прощения, ваше величество, но я хотел бы сразу перейти к делу, – с нажимом проговорил Горн.

– Тебя беспокоит возможная война с москвитами? – догадался Фредрик.

– Да, ваше величество, – кивнул барон. – Боюсь, если она начнется, мы проиграем, потеряв если не все, то многое.

– Чего ты хочешь от меня? – удивился король. – Все решения принимает риксрод.

– В риксроде засели «шляпы», опьяненные ненавистью к России. Они жаждут мести за поражение в прошлой войне. Мечтают вернуть утраченные территории. Убийство Синклера только плеснуло масла в огонь. Эти безумцы не понимают, как опасно трогать русского медведя, когда тот спит. Тем более, что у нас уже были разговоры с вице-канцлером российского двора Остерманом. Москвиты готовы пойти на уступки и вернуть часть захваченных земель. Они не горят желанием воевать с нами и хотят мира.

– Мое влияние на риксрод незначительно. Тебе ли этого не знать, барон? – усмехнулся король.

Барон чуть приподнял выщипанные брови:

– Но они могут послушать вас, ваше величество, если вы приведете веские доводы. Вы – последний шанс на спасение королевства от неминуемой беды. Доклад, учиненный генерал-поручиком Будденброком по поводу нашей готовности к войне, ложен.⁷

– С чего ты это решил? Будденброк знает свое ремесло. Он уверяет, что войско можно собрать без затруднения; амуниции, пороха и съестных припасов у нас в достаточном количе-

---

⁵ В принципе, кто такие «ночные колпаки» и «шляпы», мои читатели должны были узнать в школе на уроках истории. Не вдаваясь в глубину вопроса, скажу лишь, что так называемые «колпаки» были партией мира, не желавшей воевать с Россией, зато «шляпы» отчаянно грезили реваншем за поражение в Северной войне.

⁶ Шведский парламент.

⁷ И это еще мягко сказано. Генерал-поручик Будденброк самолично вырыл себе, любимому, и своей родине такую яму, что смертная казнь была самым гуманным способом наказания.

стве. К тому же армия московитов вконец расстроена войной с турками, все полки состоят из новонабранных рекрутов. Как говорит наш бравый генерал Левенгаупт: «На одного шведа надобно десять русских. Нашей армии, чтобы победить, надо только показаться».⁸

– Будденброк ярый сторонник «шляп» и преследует собственные интересы, а Левенгаупт желает реванша. Он хорошо помнит унижение от проигранных московитам баталий. Доклад Будденброка – ложь от начала до конца. Мы не готовы к войне. А Россия уже не та, что была при императоре Петре. Теперь это могущественная держава, с которой приходится считаться даже Версалью.

– Версаль, – задумчиво протянул Фредрик. – Версаль на нашей стороне, любезный барон. Король Людовик не поспешил на деньги и обещания. Он готов наполнить шведскую казну полновесным золотом, если мы укажем русским их место и проучим, ткнув носом в собственные испражнения, как поступают с глупым щенком, чтобы отучить его пакостить там, где нельзя. К тому же сами московиты будут нам помогать. Из Петербурга до меня доходят вести, что императрица слаба здоровьем. Ей пора задуматься о преемнике. Мы выступим на стороне принцессы Елизаветы. Те, кто хочет, чтобы дочь императора Петра заняла престол, станут действовать с нами заодно. Наш посол в России фон Нолькен уже ведет с Елизаветой переговоры. Думаю, она примет наши условия и наши деньги.

– Остановите это, мой король! Умоляю! – Горн упал на колени.

В этот момент в дверях показался запыхавшийся королевский адъютант. Его лицо было красным и зловецим.

– Ваше величество, простите за вторжение. У меня страшные новости из Петербурга.

– Тебя прислало к нам провидение! – воскликнул король. – Говори же скорей, не испытывай моего терпения.

– Ваше величество, наш посол в Московии убит. Проклятые русские застрелили фон Нолькена в его собственном доме.

– Вот видишь, – торжествуя сказал Фредрик, обращаясь к Горну, – даже если бы я выполнил твою просьбу, ничего бы не вышло. Самому Господу угодно, чтобы Швеция наказала вероломную Россию. Да будет так! Да начнется война! Только, – он приложил палец к губам, – никто не узнает, что мы собираемся воевать, пока нога нашего солдата не ступит на земли московитов. Все приготовления будут осуществляться в строжайшем секрете. Чтобы никто не пронюхал об этом, я отправляю тебя, старина Арвид, под домашний арест. Надеюсь, другие «колпаки» окажутся рассудительными и не станут извещать русских.

– Мне очень жаль, ваше величество, – склонил голову Горн.

– Чего тебе жаль, барон? – удивился король.

– Швецию, ваше величество. Только ее и ничего больше.

Раздобревшая на малороссийских борщах да пампушках цесаревна Елисавет Петровна проснулась рано. Что-то разбудило ее, а что именно, она так и не поняла. Валяться в постели расхотелось. И без того все бока отлежала.

Вялый после ночных усад, чернявый Алешка Розум, зевая, посматривал, как «принцесса» сама надевает длинный ночной халат, натягивает на полноватые ножки тонкие шелковые чулки последней парижской моды, ищет на холодном полу тапочки.

– Ах, мыши проклятушие!

Розум приподнялся на подушке, спросил недоуменно:

– Что случилось, Лизанька?

– Да твари окаянные гляди, что натворили! – Цесаревна сунула под нос любовнику изгрызенный тапок. – Не съели, так поднадкусили. А ведь любимые были. По ноге сношенные. –

---

⁸ Довольное популярное в ту пору у «шляп» высказывание.

Елизавета пустила слезу, до того ей стало жалко съеденные мышами тапки, а еще больше себя, бабу беспутную.

– Не кручинься, Лизанька. Станешь царицей, купишь себе мильон таких. Тыщу платьев выпишешь себе из самого Парижу. Заживем!.. – Розум мечтательно закатил красивые глаза.

– Царицей?! – Елизавета насмешливо повела бровью. – Кто ж меня царицей-то сделает при живой тетеньке да сеструхе Анке, чтоб ей пусто было, дурище! Прости мя, Господи! – испуганно перекрестилась она на образа.

– Я тебя царицей сделаю, Лизавета Петровна. – В комнату без стука впорхнул лейб-медик цесаревны, вертлявый низкий Лесток. Он стоял за дверями и слышал разговор. – Не сумлевайся.

Лейб-медик цесаревны не испытывал ни малейшего стеснения и в сторону «гражданского супруга» великой княжны даже не смотрел.

– Ах, Жано! Ты опять подслушивал! – капризно повела маленьким вздернутым носиком цесаревна.

– Все тайны умрут со мной, – стукнул себя по груди маленький лекарь. – Ты же меня знаешь. Дозволь ручку твою поцелую белоснежную аки мрамор.

– Целуй.

Встав на одно колено, Лесток прикоснулся влажными губами к руке Елизаветы, смачно чмокнул и с восторгом произнес:

– Какая теплая она, ваше высочество, будто молоко парное! Сладкая, аки мед. И пахнет вкусно.

– На чужой каравай... – заговорил недовольный любовник, но цесаревна знаком оборвала его.

– Как же ты из меня царицу делать будешь, Жано, миленький?

Поскучневший Алешка отвернулся к стене. Государственных дел и опасных разговоров он старательно избегал.

– Ваше высочество, да нешто не ясно вам как? – засуетился ловкий лейб-медик. – Тетушка ваша со дня на день отбудет в чертоги небесные, а ежели задержится, так ненадолго. А после этого корона сама в ваши руки упадет. Нешто народ немке ее отдаст, сестричке вашей ненаглядной? Токмо лишь подождать чуточек придется.

– Не могу я ждать, – загрустила цесаревна. – Остерман, подлюка, опять планы свои вынашивает. Хочет меня замуж спихнуть, чтобы с глаз долой. Жениха подыскал – брата принца Брауншвейгского. Тетушка дюже довольна такому марьяжу. Две племянницы мои, молвит, еще сильнее породнятся. Как только свадьбу Анкину сыграют, так и мой быть. Увезут в глухомань немецкую, и прости-прощай Россия.

– Не кручинься, Лизаветушка. Не ты ли дочь Петрова?

– Я, – кивнула цесаревна. – Токмо батюшка не позаботился, чтобы за мной престол русский оставался. И матушка тоже не догадалась о перспективах моих призаботиться.

– Не успели они, ваше высочество. Ну, так мы это поправим, – заулыбался Лесток. – Ждем вестей хороших. Скоро свеи в поход на нас пойдут, мне это доподлинно из самой Стекольны известно. Хотят они тебя на троне императорском видеть. И деньги обещают. Я с них да с версальцев пятнадцать тыщ червонцев, окромя помочи воинской, еще запросил.

– Деньги и впрямь не лишними будут. А вот война... Нешто штыками свейскими хочешь меня императрицей сделать? – испугалась Елизавета.

– Что ты, матушка, – как мельница, замахал руками лейб-медик. – Упаси Господь обо мне такие думы думать. Просто война зачнется, и тетушка твоя полки гвардейские на нее двинет. Новая гвардия – она ко всему привычна, а старая, что семеновские молодцы, что преображенские, думается мне, роптать начнет. Устали они после похода турецкого, а кто не устал... ну, так людишки мои верные о тех позаботятся. Знаешь, сколько их у меня?! Ужась как много.

– А тетушка? – опасливо спросила Елизавета.

– А что она? Императрица наша совсем здоровьем слаба стала, за всем доглядеть не сможет. За тобой, ваше высочество, такие фигуры встанут! У! – Лесток широко развел руки, став похожим на рыбака, показывающего: «Вот такую поймал». – Один только фельдцейхмейстер принц Людовик Гессен-Гомбургский чего стоит!

– Но он же дурак! – удивилась цесаревна.

– Э, дурак не дурак, а пушки наши будут, матушка.

– Пушки, – хмыкнула Елизавета. – К пушкам люди надобны храбрые, а принц ентот всю храбрость в Персии растерял. Токмо и может, что с Минихом да Лассием лаяться.

– Недолго ему лаяться осталось. Миних да Лассий скоро из Петербургу на войну отправятся, а принца в столице оставляют. Военную коллегию ему отдают. Весь гарнизон столичный под его рукой окажется. Да и не на одного его расчет. Такие силы почтут за честь тебе послужить, Лизавета Петровна, ажно страшно становится. От них мне еще и советы пришли умные. Мы все так обстрипаем, что никто ничего не поймет. Любой, окромя нас, запутается.

И лейб-медик расплылся в довольной улыбке. Полученные советы действительно оказались дельными. Вот только человек, давший их, пугал его до глубины души, хотя никто и никогда не мог бы назвать Иоганна Германа Лестока трусом.

А цесаревне вдруг вспомнился высокий статный офицер, с которым она танцевала на балу в императорском дворце. Его звали фон Гофеном, и был он откуда-то из Курляндии. Гвардеец ужасно смущался, наступал ей на ноги, однако Елизавета по чисто женскому наитию поняла: если бы этот офицер стал ее конфидендом, он бы точно ничего не испугался и сделал бы все, чтобы возвести дочь Петра Великого на престол.

Но, говорят, его тяжело ранили в Крыму и он остался в одной из казацкой станиц на лечении.

Пожалуй, для фон Гофена это даже к лучшему: проживет дольше. Слишком многие в Петербурге желали его крови.

Елизавете было жалко гвардейца. Как многие женщины, она испытывала слабость к тем, кого можно смело назвать настоящим мужчиной, за чьей спиной всегда можно спрятаться. Но судьба распорядилась так, что фон Гофен оказался среди врагов, а позволить себе иметь такого врага цесаревна не могла.

Глава 1

Нет ничего хуже долгого пути, когда все темы для бесед исчерпаны, пейзаж за окошками возка утомляет однообразием, а желание быстрее вернуться к делам сжигает внутренним огнем. Невольно сожалешь, что нет еще ни самолетов, ни поездов. Кругом исключительно одна конная тяга. Хлеши не хлеши бедную кобылку, скорость звука развить она не сумеет.

Огромны твои расстояния, Русь-матушка. И еще больше будут. Придет время телег самобеглых, паровых котлов и железных дорог. Вот только прогресс технический надо совместить с политическим, иначе все труды уйдут как вода в песок.

Бренчит сбруя, мерно бегут лошади, возок, поскрипывая, раскачивается из стороны в сторону. Вроде монотонного маятника – туда-сюда, вправо-влево. Болтанка почти как в открытом море, но переносится не в пример лучше.

Горит подпотолочный фонарь. Внутри блаженное тепло, хорошо и сухо. Но заняться все равно нечем. Разве что воспоминаниями...

Прошло несколько лет с того знаменательного события, когда меня прямиком из двадцать первого века забросило в 1735 год, в тело молодого курляндского дворянина Дитриха фон Гофена. Пусть и случилось это не по моей воле, но, что ни делается, все к лучшему. Даже если это «лучшее» началось весьма экстравагантно: новообретенный кузен Карл фон Браун втравил меня в драку с наемными убийцами. Мы тогда славно помахали шпагами, хотя врагов было больше. Прав великий полководец, говоривший, что «бьют не числом, а умением», благо последнего у меня было не занимать – пригодились занятия в секции спортивного фехтования.

Далее события разворачивались по нарастающей: солдатская команда арестовала нас с Карлом, застав на «месте преступления». Никто не заморачивался пустяками вроде выяснения обстоятельств, да мы и не отпирались, понимая, что никого наши оправдания не интересуют.

Так я угодил в казематы Петропавловской крепости, где по милости продажного чиновника Тайной канцелярии Фалалеева провел немало «приятных» минут на дыбе. Для тех, кто не знает, поясню, что дыба – пыточное устройство, при помощи которого на Руси традиционно развязывали любые языки (и это отнюдь не спиртное). Приятных ощущений сия процедура не добавила. Спасибо железному здоровью нового тела – отделался я сравнительно легко, но повторять этот опыт не собираюсь.

Однако нет худа без добра. В Тайной канцелярии состоялось мое знакомство с генерал-аншефом Андреем Ивановичем Ушаковым, человеком, которого я безмерно уважаю и поныне. В будущем его часто пытались представить эдаким палачом-садистом, однако я лишний раз убедился в том, что историкам оболгать человека – раз плюнуть.

Чего греха таить, гуманистом и либералом Андрея Ивановича не назовешь. Зато враги России трепетали уже при упоминании только его имени.

Ушаков первоначально планировал сделать из меня банального сексота, засланного в один из трех существовавших на тот момент пехотных полков лейб-гвардии. Не знаю, каким чудом мне удалось его переубедить. Оглядываясь назад, прихожу к выводу, что ходил я тогда по столь узкой грани, что в дрожь бросает. Ума не хватает понять, почему генерал-аншеф не прихлопнул меня, как не в меру оборзевшего кутенка. Скорее всего, интуиция (а у человека его должности и опыта интуиция должна быть такой, что закачаешься) подсказала ему, что я не такой, как все, что есть во мне нечто особенное, отличающее от других. И это нечто может послужить ему в будущем.

Еще в первый день пребывания в каземате я встретился с корректором реальности, или, как он предпочитал себя называть, Кириллом Романовичем. Он-то и поведал мне причины моего переноса на четверть тысячелетия назад. Хотите верьте, хотите нет, но оказывается, что наша история является экспериментальным полигоном для иных цивилизаций, на котором

они отработывают наиболее благоприятные пути собственного развития. По большому гамбургскому счету, за подобные непотребства назвать их можно разве что козлами или уродами, но спустя энное количество лет у некоторых корректоров проснулось подобие совести и они решили восстановить справедливость. Таким вот макаром я и стал частью их стратегического плана. От меня требовалось не допустить елизаветинского переворота и сделать так, чтобы судьба младенца-императора Иоанна Антоновича стала не столь трагической, как в привычной реальности.

Всего-то делов, скажете вы. И верно – пара пустяков для человека, карьера которого началась с цугундера.

С самого начала все пошло вкривь и вкось. Я угодил в восемнадцатый век абсолютно неподготовленным и с первых минут пребывания нахватал неприятностей по самые гланды, а помочь мне Кирилл Романович уже не мог. Предложил выкарабкиваться собственными усилиями, чем я, собственно, и занялся, причем довольно успешно.

Настоящий Дитрих фон Гофен по примеру своих земляков намеревался вступить в русскую гвардию. Это никоим образом не шло вразрез и с моими планами. Служить я был рад.

Мы с Карлом, благодаря протекции подполковника Густава Бирона (да-да, брата того самого фаворита императрицы Анны Иоанновны), поступили в лейб-гвардии Измайловский полк. Служба оказалась ни медом, ни сахаром. Караулы, дежурства, учения. Но я втянулся, благо остался опыт еще той армии, из будущего. Начал рядовым гренадером, постепенно пошел в рост.

Заодно приохотился и к литературному труду. Начал писать роман с продолжением, который охотно публиковала небольшая питерская частная газета. Мои эльфы и гномы пришлись по душе читателям, не избалованным фантастикой и фэнтези. Хорошо, хоть Церковь и Синод не увидели в потугах начинающего литератора ничего крамольного, иначе не миновать мне костра Джордано Бруно. Но как-то обошлось.

Совершенно случайно мне удалось напасть на след распространителей фальшивых медных пятаков, и судьба вновь свела меня с Ушаковым. От него я получил важное задание: вместе с группой верных людей найти и уничтожить гнездо фальшивомонетчиков, располагавшееся в землях Польского королевства.

Попотеть нам пришлось изрядно. Мы едва не увязли в мастерски сплетенной паутине заговора, целью которого было втянуть Россию в войну со Швецией, Польшей и... кто знает, может, и с недружественной Францией тоже. Но победа бывает не только на стороне больших батальонов. Наша пятерка смогла не только выполнить задание, стерев с лица земли фальшивомонетчиков и их подручных, нет, мы расстроили вражеские козни, вывели на чистую воду предателя – князя Чарторыжского, и окружным путем вернулись в Россию, где получили заслуженную награду. Вдобавок я обзавелся невестой, которую полюбил всем сердцем. А моего кузена Карла судьба свела с загадочной Марьей-разбойницей. Похоже, эта девушка могла мне помочь найти Балагура – таинственного человека, подобно мне перенесенного в прошлое и игравшего на другой стороне. О его существовании я узнал из очередной встречи с Кириллом Романовичем.

Меня не удовлетворяла роль простого наблюдателя. Если мне выпал шанс изменить мою страну к лучшему – почему бы им не воспользоваться? Некоторые из моих идей упали на благодатную почву. Я оказался в числе тех, кто стал проводить военную реформу. Вместе с фельдмаршалами Минихом и Ласси мы не только переделали и перевооружили нашу армию, но и спланировали новую кампанию против крымских татар и их «патронов» – турок.

Неподалеку от города, названного нами Мелитополем, состоялось решающее сражение. Русские войска, в состав которых входил сводный гвардейский батальон, одержали убедительную победу над татарской конницей и десантом янычар. Правда, мне в той битве досталась

пуля в спину, и у меня были все основания подозревать, что стрелял в меня не кто иной, как тот самый внутренний (и потому вдвойне опасный) враг – Балагур.

Гвардейцы ушли в Санкт-Петербург, а я остался в казачьей станице залечивать рану. Если бы не кузен Карл, примчавшийся сюда, чтобы вновь вызвать меня в столицу, может, я бы и дальше продолжал киснуть тут от тоски.

Сейчас мы с ним сидим в трясущемся возке и предаемся размышлениям.

От окончательного безделья я принялся вспоминать наш с Карлом разговор. Один из первых, который состоялся сразу, как выехали из казачьей станицы.

– Давай хвастайся: за что получил повышение?

– За башкир. Вздумали бунтовать, вот меня, сразу как от болезни оправился, и послали с солдатской командой на замирение.

Понятно. Сомневаюсь, что кузен испытал большое удовольствие от участия в карательных операциях, но вроде с башкирами на этот раз обошлись достаточно мягко. Бунт подавили, как же без этого, и кровь пролилась, однако не в столь больших количествах, как в прежние годы. Стоит заметить:

пострадали не только бунтари. Полетели под откос карьеры и, что немаловажно, головы тех, кто, собственно, и был главной причиной беспорядков – российских чиновников-хапуг.

Невольно ловлю себя на мысли: можно смело брать за жабры любого отечественного «начальника» и сразу ставить к стенке. Что в двадцать первом веке, что в восемнадцатом. И не ошибешься. Тут, как с любым опальным олигархом: максимально проявленной несправедливостью будет не та припаянная статья.

Перехожу к главному:

– Разыскал нашу разбойницу?

Это было мое «партийное» задание Карлу перед отправкой в поход. На результаты поисков Маши возлагались большие надежды. С помощью этой «Дианы-охотницы» я рассчитывал выйти на заклятого врага из неслетлого будущего. Теперь у меня появились к нему и личные счета. Сволочь пальнула мне в спину во время битвы с крымскими татарами и подоспевшими им на помощь янычарами.

Выжил я чудом. Наверное, кто-то за меня помолился и поставил пудовую свечку Николаю-угоднику.

Судя по всему, Маша, которая не наша, знала второго попаданца. Понятно, что он должен обретаться в окружении Елисавет Петровны, но ведь не постельный же это ее штатный утешитель – малороссийский самородок Разумовский! У того разве что голос как паровой гудок, силушка былинного багатура да потенция Гришки Распутина, но вот с мозгами не полный порядок. Глуповат. Пока трезвый – мухи не обидит, а как напьется – туши свет. Говорят, даже на Елизавету руку поднимал.

В порядке бредовой версии можно предположить, что это некий вариант маскировки. Чтоб никто не догадался и на дурака не подумал.

Нет, не похоже. Розума этого никто всерьез не воспринимает и за ним не пойдет. Не та фигура. Не имеет должного авторитета. Да и не было его тогда на поле боя. Фаворит цесаревны в Санкт-Петербурге кроватку для Лизаветы-душечки теплом телесным согревал, пока мы с ногайцами рубились. Не он стрелял в меня, однозначно не он.

Тогда кто?

– Не свезло.

– А?! Что?!

До меня не сразу дошло: не дождавшись ответа, я погрузился в столь глубокие размышления, что забыл про все на свете.

– Не свезло найти девку-то. А жаль! Такая препикантная особа.

Карл аж замлел от удовольствия. Девка и впрямь была хороша, но я его о другом спрашивал, не менее важном, чем выдающиеся внешние данные красотки:

– Поясни: не нашел или не искал?

Кузен повинился. Выразилось это в слегка пунцовых щеках. Все же мой двоюродный братец во многих отношениях остался мальчишкой.

– Не искал, кузен. Ты уж прости. Меня сразу в оборот взяли, стоило только доктору заявить, что я пребываю в полной готовности. Тут же на башкир и отправили.

– Вот так номер! А подполковник Густав Бирон? Была же договоренность, – растерянно заморгал я.

– А он сам при болезни был. Вместо него полком премьер-майор Шипов командовал, вот он меня и заслал к башкирам. Когда вернулся, сразу же к Ушакову вызвали. Тот и говорит: скачи во весь дух за братцем твоим, фон Гофеном. Нужен он зело.

Раз нужен, значит, и впрямь в столице жареным запахло. По пустякам могущественный глава Тайной канцелярии Карла за мной гнать бы не стал.

– А что у вас в Петербурге за страсти-мордасти такие творятся?

– Да Балагур, скотина, как с цепи сорвался. Сколько народу пострелял исподтишка! Никого не жалеет.

Когда Карл перечислил основных жертв, я едва не присвистнул. Балагур нехило проредил ряды нашей аристократии. Пусть это были птицы не самого высокого полета, однако и не второстепенные фигуры точно.

Вопрос: зачем столько убийств? Разве могли эти несчастные помешать его планам? В случае елизаветинского мятежа большинство и пальцем о палец бы не ударило, чтобы воспрепятствовать (что, собственно, и случилось в реальной истории. Приняли как должное).

И крыша у моего врага вряд ли поехала на любой из почв. Нет, он эти «звезды зажигает», потому что ему так нужно.

В Петербург! Скорее!

Пока я, больной, валялся да страдал – ах, какой я забытый! Какой заброшенный! – этот моральный урод времени зря не терял. Что-то он замыслил, какую-то комбинацию, а я ему нехилую фору дал. Шутка ли – столько меня в Питере не было! Да за эти месяцы уже пять раз Елизавету можно было бы на престол посадить и свергнуть, устроив неслабую кадровую ротацию.

Вот тебе и фон Гофен, надежда России! Пинка мне надо было дать, чтобы я из Украины аж до Северной Пальмиры летел! Глядишь, столько народу в живых бы осталось.

Увы, способ транспортировки остался прежним. Разве что, благодаря особым бумагам, лошадей свежих на станциях давали сразу, как только мы изъявляли сие желание. Ну и показывали документы, производя среди станционных зрителей немалый фурор. Наверное, подобный и Киркорову с Пугачевой не снился.

А все равно грустно! Что хочешь делай – гложет тоска-кручина, и все тут. Даже водка не помогает.

Ничего, вот приеду в город кучи революций и прочего бардака, Андрей Иванович Ушаков такого мне пропишет – враз от меланхолии на долгие лета избавлюсь. И от угрызений совести тоже.

Аврал на работе – лучшее средство для измученного терзаниями духа бывшего представителя офисного планктона новой России, а ныне офицера и популярного бумагомарателя.

Кстати, о последнем. Ничто меня так не удивило, как внезапно обнаруженное продолжение моей фэнтезиатины в двухмесячной давности номере «Петербург астрального», найденного на одной из станций.

Прихватил я газетку, чтобы прочесть на досуге, и едва не потерял от изумления челюсть.

Вроде все ничего: написано бойко и интересно, приключений по маковку, и главное – герои мои, такими, как я их задумывал, но есть одно важное замечание. Я ЭТОГО не писал.

Кто-то, воспользовавшись моим авторским псевдонимом «Игорь Гусаров», сочинял с пулеметной скоростью роман о моих эльфах и гномах. Первая реакция была как в кино: не понял! Потом: что за... трах-тибидох?!

Спустя время я решил поговорить по душам с редактором и единственным возможным кандидатом на роль литературного негра. Подозрения возникли сразу. Не иначе как преступная сущность Ваньки Каина закинула его в пучину этой литавантюры. Других претендентов не было. Сдается, обошелся «ученичок» и без учителя. Сам справился.

Хотя забавно, забавно. Интересно, в какой плепорции гонорар делить будем и как? Не буду же я хай на весь Питер поднимать. Такие вещи кулуарно решаются. Но это потом. Есть дела и поважней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.